

ка, когда так заманчиво было создавать литературоведческие мифы — без имен, без дат, без названий, без цитат; с пиететом произнесут фамилии М. О. Чудаковой, М. А. Гаспарова, Ю. В. Манна, Вяч. Вс. Иванова, Ю. М. Лотмана... Следствием, как можно предвидеть, станет возвращение филологической науки в ее собственные границы.

Но, впрочем, незачем гадать о будущем, когда мы имеем дело с настоящим. Нравится это кому-то или не нравится, но очередная генерация стучится в двери, и их нужно открывать.

А. Александров.

В. НЕПОМНЯЩИЙ. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. Изд. 2-е, дополненное. М. «Советский писатель». 1987. 448 стр.

Сказать о работе В. Непомнящего, что она посвящена Пушкину, его «духовной биографии», недостаточно. Здесь уместнее старое выражение: автор посвящен и посвящает в то, что значит в заглавии его книги. Пушкинское присутствует в ней не как предмет, а как стихия.

Эту книгу можно читать и как первое введение в Пушкина и как раздумье о полутора веках пушкинистики. Выверенным итогом сегодняшнего знания звучат, например, формулы Непомнящего об историческом месте Пушкина на водоразделе русской культуры: он не уместается в послепетровскую эпоху, его деятельность «заживляла трещину» между петербургской и старомосковской Россией, «восстанавливала национальную целостность»; а с другой стороны, «у Пушкина есть стихотворения лермонтовские и некрасовские, есть гоголевские сюжеты и тютчевская космичность, есть чеховская деталь, прутковский юмор и блоковские строки... он как бы является ее (последующей русской литературы. — В. Б.) зеркалом — зеркалом, обращенным в будущее».

В книге Непомнящего движение разнообразно, вещи открываются под разным углом. Народная тропа к Пушкину и его «Пророк» как поэтическое откровение; детская простота и прозрачная высь его слова, которое «не сверкает, не гремит, а почти безмолвствует»; стояние поэта в истине между жестокой властью и непониманием своих же единомышленников; его супружество как поступок традиционной нравственности, род аскезы (Вл. Соловьев); звонкая вселенная пушкинских сказок; не отделенная личность, а историческое тяготение народа к Истине как действующее начало «Бориса Годунова»; срединная эпоха собирания и создания поэтом самого себя — «Евгений Онегин»; пушкинский дар, выходящий далеко за пределы литературы, — это все еще только внешняя нить повествования.

Характер итога-введения делает книгу обещанием новых путей, и автор протрясает их, ставя вопрос о пушкинском мире в том особенном смысле этого слова, о котором мы сейчас скажем. Через Пушкина, сквозь блеск его слова и вместе с

Пушкиным он пытается взглянуть в то самое, на что смотрел поэт, «держать в поле зрения» пространства, где обрывается слово. В самом деле, страшно выговорить, но, без раздумий поставив под удар продолжение — заведомо блестящее — своей литературной работы, Пушкин оставил нам завещанием не литературу или, вернее, литературу тоже («душа в заветной лире...»), но лишь как указание на другое. «...Он умолк и — как делал он это в своих стихах и прозе — заставил говорить молчание».

Конечно, читатель вправе с опаской отнестись к готовности исследователя говорить о том, чего поэт не сказал. Пушкин как никто другой запрещает отрываться от конкретности. Перед Пушкиным глупо, стыдно теоретизировать. Но одностороннее следование за фактом завело пушкинистику в другую крайность. Обнаружение документов, выявление и сопоставление обстоятельств — это все-таки лишь находки. Открытием в науке о литературе следовало бы называть то, что служит открытию поэтического мира.

Мысль автора в том, что пушкинский мир не принадлежит «эстетической сфере» и не витает где-то отдельно от «реального» мира, он — один из истинных обликов единственного настоящего мира среди многих поддельных. Пушкин — и здесь Непомнящий, как нам кажется, возвращает поэта в верную историческую перспективу — размежевывается с «философией потребления мира человеком», «узурпации вселенной». Пушкинский мир — пространство света, правды, строя, вне которого нет места для надежного человеческого обитания. Этот мир неприступен, как сам свет; им нельзя овладеть и распорядиться, он сам захватывает нас, и он заранее уже распорядился нами, впусив нас в себя или не впусив.

На просторе этого мира поэт встречается с народом раньше, чем успевают заметить охотники за народной и национальной тематикой. Как народ, поэт чуток к свободному звучанию слова в момент, когда оно, срываясь с уст, полно неожиданностей, само говорит и укладывается в окончательном значении не по воле индивида, а по другой, широкой воле бытийной правды.

Заметим, этому наблюдению о вольности поэтического слова (оно «пространство между небом и землей») противоречит желание автора искать в пушкинских текстах чуть ли не нравственные предписания. Конечно, ничто не мешает прочесть пушкинский роман в стихах как «систему ценностей» и выявить в нем «иерархию нравственных истин». Однако поиски вшифроанной в поэзию морали неизбежно разбиваются о хлесткое — наотмашь — замечание Пушкина к словам П. А. Вяземского о том, что Вольтер не был ни гонителем добродетели, ни льстецом порока: «Господи Суси! какое дело поэту до добродетели и порока? разве их одна поэтическая сторона». И тот же жест: «Подите прочь — какое дело поэту мирному (!) до вас».

Тем не менее за настойчивыми напоминаниями В. Непомнящего о нравственности

пушкинского мира стоит глубокая истина. В самом деле, его открытость, его всепускающая «пустота» обеспечены, если позволительно сказать, его неприступностью. Пушкин хранит чистоту своего мира, как можно хранить святыню. «Евгений Онегин» похож на ярмарочную площадь. Однако мы почему-то сразу соглашаемся с Непомнящим: «...внутренняя и главная область романа — при всей импровизационности и доверительности «болтовни», при всей множественности слышащихся в нем голосов — это область сосредоточенного и глубокого безмолвия... под покровом внешней «легкости» и «раскованности» есть... нечто строгое, нечто как бы даже сакрально суровое». Это «сакрально суровое» слышится во всем Пушкине, от неожиданного «монаха» в конце его первого лицейского стихотворения до «Отцов-пустынников» 1836 года.

И вот этой своей неприступной высотой пушкинский мир предполагает безоговорочную власть общезначимого и общеобязательного нравственного закона. С человечеством, которое перестало слышать голос этого закона, Пушкину было бы нечего делать. Его поэтическому миру действительно отвечает в житейском только одно — трезвенная серьезность духа, и без понимания этого обстоятельства нет надежды понять ни возрастание поэзии Пушкина с годами, ни его личную судьбу.

В. Бибихин.

Е. КНИПОВИЧ. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М. «Советский писатель». 1987. 143 стр.

Книга эта — своеобразное лирико-научное исследование мемуариста и искусствоведа. Взаимопроникновение жанров и диффузия временных пластов («тогда» и «через шестьдесят лет») воплотились в гармоничное единство — автор обращается к творчеству Блока и как исследователь, и как человек, связанный дружескими отношениями с поэтом в последние годы его жизни.

Евгения Федоровна Книпович и Блок познакомились в январе 1918 года. Это месяц рождения революционного «триптиха» — «Интеллигенция и Революция», «Двенадцать», «Скифы», — по определению Ст. Лесневского, «великого воплощения «музыки» социалистической революции». В новой книге о Блоке основной стала тема революции и культуры. Она прослеживается в обращении автора к поэтическому и публицистическому творчеству Блока, в давних беглых записях и сегодняшних комментариях, в воспоминаниях о встречах и совместной работе.

«Мы делаем такое дело, у которого опыта еще нет, его надо заново создавать. А чтобы его создавать, нужна полная и глубокая уверенность, что дело это очень важное и крайне необходимое», — полагал Блок, размышляя об участии интеллигенции в после-революционном созидании культуры. В том же январе 1918 года Блок записал в дневнике, что крылья у народа есть, а помочь

ему надо в знаниях и умениях, и Книпович вспоминает, как с первых дней знакомства ощутила, «тогда еще не очень понимая и обобщая, эту неразрывную в сознании Блока связь между крылатой и рабочей стороной культурного строительства».

Книпович и Блок сотрудничали в одном отделе Наркомпроса — театральном: Блок был его руководителем, а Евгения Федоровна ведала группой архивных разысканий репертуарной секции. Автор книги комментирует высказывания Блока о шекспировской драматургии и ее героях, о русской драме, об опере Вагнера, о героико-романтических постановках Шиллера. Книпович вспоминает также о случаях непосредственного обращения Блока к революционной массе. Одно из них — вступительное слово Блока перед красноармейцами петроградского гарнизона, пришедшими в Большой драматический театр на спектакль «Дон Карлос», — говорит о степени включенности Блока в умонастроения тех лет: «Вдумайтесь в то, что вы сейчас увидите. Легко ли, сладко ли жить той волчьей стае, которая осталась царствовать на земле после того, как погубила все доброе? Нет, такая жизнь — не жизнь. Легче таким людям, как эти жестокие и залитые кровью сыщики, удавиться, чем жить на свете. Ложь и зло сами себя губят, за всякое злое деяние человек рано или поздно получит возмездие».

Книга насыщена свидетельствами литературных симпатий и антипатий Блока, вызскательности его вкуса.

В 1920 году, готовясь издать «портативного» Пушкина для нового читателя, Блок обсуждал с Евгенией Федоровной принципы отбора материала: «Каждое исключенное стихотворение вызывает ощущение пореза на живом теле. Наконец, совершенно отчаявшись, Блок сказал: «Начнем брать только от „Редает облаков летучая гряда“». — «Почему?» — «Оно первое, от которого подступают слезы»...». Такие воспоминания и многозначительны и бесценны.

Иванов-Разумник заявлял, что после января 1918 года Блок не нашел себе места в строительстве нового и стал угасать, выполняя культурно-просветительные обязанности ради хлеба насущного. «Это неправда, — возражает Книпович. — Или, точнее, одна из тех отвратительных обывательских полуправд, которые, упрощая, в корне извращают подлинную правду». И в новой книге Книпович отражена активная творческая деятельность Блока в годы их знакомства вплоть до последнего поэтического поклонения Пушкину —

Уходя в ночную тьму
С белой площади Сената.

М. Вашкевич.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЮНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА. Составитель В. И. Новиков. М. «Педагогика». 1987, 416 стр.

Четыре года назад вышел языковедческий том словаря юного филолога. Само разделение такого «школьного» филологического словаря на лингвистику и литера-